

С.А. Ковалевский

Проблема взаимодействия населения юга Западной и Средней Сибири в эпоху поздней бронзы*

Исследователи, занимающиеся вопросами происхождения культурных образований юга Западной Сибири в эпоху поздней бронзы, единодушны в том, что культурогенез на данной территории был непростым. В формировании корчажкинской и ирменской культур принимали участие в разной степени представители различных культурных образований. Перспективным является путь выявления этих культурных компонентов и выяснения причин, заставивших их носителей мигрировать на другую территорию. Одним из самых дискуссионных является карасукский компонент.

Роль карасукского компонента в культурогенезе древнего населения Кузнецкой котловины интересовала исследователей со времени раскопок первых памятников эпохи поздней бронзы на данной территории. Это объяснялось географической близостью Кузнецкой и Минусинской котловин. Сыграло свою роль и мнение М.П. Грязнова, который, исследовав позднебронзовые поселения Верхнего Приобья, отнес их к карасукской эпохе, выделив локальные варианты [1, с. 93–102; 2, с. 26–43].

Н.Л. Членова, выделив в 1955 г. ирменскую культуру, сделала вывод, что влияние карасукской культуры в формировании ирменской было лишь опосредованным [3, с. 38–57]. Впоследствии Н.Л. Членова пришла к выводу, что карасукоидный компонент в ирменской культуре не восходит к карасукской культуре Минусинской котловины. Исследовательница предполагает, что прародиной этого компонента могли быть культуры эпохи бронзы Казахстанских степей [4, с. 75–77].

В разные годы об участии карасукского населения Минусинской котловины в формировании ирменской культуры писали А.П. Уманский, М.Ф. Косарев, Т.Н. Троицкая, В.И. Матюшенко, В.А. Зах, О.И. Новикова [5, с. 22–26; 6, с. 169–175; 7, с. 32–46; 8, с. 18; 9, с. 57–66; 10, с. 17–20]. По мнению всех этих исследователей, карасукское влияние было второстепенным и не оказало существенного воздействия на ирменский культурогенез. В.И. Молодин, отрицая влияние карасукского населения на формирование ирменской культуры, признал существование прямых связей между этими культурами на востоке ирменского ареала [11, с. 140].

Особенностью исследования ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины в 1950–1990 гг. было преимущественное изучение лишь одной категории памятников – курганных могильников. Они рас-

капывались усилиями Южно-Сибирской, Кузбасской и Кузнецкой археологических экспедиций преимущественно в западной части Кузнецкой котловины, на территории Присалаирья. Соответственно, почти все выводы и культурно-исторические реконструкции делались исследователями на основании погребально-поминального обряда и специфических предметных комплексов.

В 1950–1960-х гг. А.И. Мартыновым были раскопаны курганы эпохи поздней бронзы у сел Иваново-Родионово, Пьяново и Тарасово. Эти материалы позволили А.И. Мартынову выделить инской вариант карасукской культуры [12, с. 122–133; 13, с. 164–182].

Дальнейшее исследование памятников эпохи поздней бронзы на территории Кузнецкой котловины позволило Д.Г. Савинову и В.В. Боброву отнести их уже к инскому варианту ирменской культуры и конкретизировать степень карасукского воздействия. Д.Г. Савинов и В.В. Бобров в публикации материалов Титовского курганного могильника высказали свое мнение о процессах культурогенеза в эпоху поздней бронзы на территории Западной Сибири. Карасукский компонент, по их наблюдениям, проявился на территории Верхней Оби в обряде погребения (каменные ящики и каменные курганы), керамике (круглодонная посуда), приемах ее орнаментации (несколько рядов треугольников, обращенных вершинами вверх, гирлянды). Авторы публикации посчитали, что карасукские черты на данной территории, скорее всего, следует рассматривать как результат миграции какой-то части карасукского населения из Минусинской котловины [14, с. 61]. Карасукское происхождение бронзовых предметов из ирменских комплексов было дополнительно аргументировано Б.Н. Пяткиным, опубликовавшим результаты спектральных анализов из Титовского могильника [15, с. 63–65].

В более поздней публикации материалов того же могильника Д.Г. Савинов и В.В. Бобров высказали мнение, что ирменские аналоги карасукским вещам не являются точной копией карасукских прототипов, а в значительной степени уже переработаны в местной среде и, следовательно, в них стоит видеть результат не миграции, а диффузии. Важным наблюдением стало, что все предметы из Титовского могильника находят аналогии в карасукских памятниках заключительного каменоложского этапа (по периодизации М.П. Грязнова), что, по мнению исследователей, может свидетельствовать о продвижении групп карасукских

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №07-01-00527а.

племен через горные перевалы в районе верховий реки Томи из минусинских степей в бассейн реки Ини. В качестве причины этого расселения называлось появление в Минусинской котловине раннетагарских племен с юга [16, с. 134–135]. Таким образом, впервые было установлено, что ирменское население Кузнецкой котловины взаимодействовало с позднекарасукским населением каменоложского этапа (по периодизации М.П. Грязнова) или с населением самостоятельной лугавской культуры (по терминологии Н.Л. Членовой).

Последующие исследования погребально-поминальных памятников ирменской культуры подтвердили наличие имевшихся в древности контактов ирменского и лугавского населения [17, с. 91–92; 18, с. 67–70]. Палеоантропологические исследования также подтверждают близость краниологической серии могильного комплекса Журавлево и серий карасукской и лугавской культур [17, с. 133].

Нами в специальной работе были обобщены признаки карасукского влияния, проявившиеся в ирменском погребально-поминальном обряде Кузнецкой котловины [19, с. 80]. К ним относятся: 1) традиция оформления отдельных погребений в форме каменных ящиков; 2) традиция изготовления ножей с кольцевыми навершиями; 3) шилья; 4) бляхи и бляшки большинства типов; 5) лапчатые подвески; 6) пронизки; 7) пастовые бусы; 8) щитковые перстни с двумя коническими выступами; 9) горшки с округлым или уплощенным дном; 10) упрощенность и обедненность их орнаментальной схемы; 11) отсутствие орнаментации в зоне венчика.

Изучение другой категории источников – поселенческих комплексов эпохи поздней бронзы на территории Кузнецкой котловины и сопредельных территориях расширило представления о характере и механизмах межкультурных коммуникаций.

Связи населения собственно карасукской культуры с населением андроновидных культур Верхнего Приобья и сопредельных территорий, включая и Кузнецкую котловину, неоднократно отмечались исследователями. Так, изучение свиты андроновидных культур юга Западной Сибири, к числу которых относится и корчажкинская культура, позволили В.В. Боброву выделить карасукско-бегазы-дандыбаевскую культурно-историческую общность [20, с. 68–71].

Важным событием стало исследование на территории Мариинско-Ачинской лесостепи смешанного ирменско-лугавского поселения Тамбарское водохранилище, где наряду с типично ирменскими и лугавскими сосудами обнаружена и синкретичная керамика, свидетельствующая о периоде сосуществования этих двух культур [21, с. 143–180].

Позднее В.В. Бобров, С.В. Кузьминых и Т.О. Тенейшвили в монографии, посвященной изучению древней металлургии лугавской культуры, констатировали неоднородность химического состава ирменского ме-

талла и сделали вывод о том, что сплавы ирменского металла из Кузнецкой котловины ориентированы на сырье из Саянских горно-металлургических центров [22, с. 71–72].

В 1990-е гг. в восточной части Кузнецкой котловины, на территории Верхнего Притомья, были исследованы ирменские поселения, содержащие особую группу сосудов. Эта группа керамики была выделена Ю.В. Шириним по материалам поселения Аба-1 и находит, по его мнению, стилистические аналогии в орнаментации керамики лугавской культуры. По информации исследователя, лугавская культура была распространена в восточных предгорьях Кузнецкого Алатау. Ю.В. Ширин отмечает смешение лугавских и ирменских орнаментальных традиций, объясняя это возможными обменными и брачными контактами населения восточных и западных предгорий Кузнецкого Алатау [23, с. 174].

К настоящему времени поселений, содержащих лугавскую керамику или местную керамику, подвергнувшись лугавскому влиянию, известно уже больше. Это ирменские поселения Притомья (Аба-1, Красулино-5, Прорва-2) и андроновидные поселения Верхнего Приобья (Ордынское-12) и Северо-Восточного Присалаирья (Саратовка-6). В материалах этих поселений встречается керамическая посуда, отличная от местной андроновидной и ирменской керамики. Исследуемые горшки имеют прямой или отогнутый венчик. В одном случае венчик был заметно утолщен. Орнамент этих сосудов занимает преимущественно зоны венчика и шейки. Основная орнаментальная композиция такой посуды расположена в зоне шейки. Ее составляют широкие желобки, на которые в шахматном или произвольном порядке наносились группы вертикальных или косых насечек. Верхний край венчика украшался рядом вертикальных насечек, косой сеткой или был свободен от орнаментальных построений. На некоторых сосудах в зоне плечика встречаются ряды ямок, резные зигзаги, оттиски вертикального гребенчатого штампа.

Анализ географического расположения поселений, в материалах которых была зафиксирована сходная с лугавской керамика, демонстрирует их преимущественное расположение на границе лесостепи с западными предгорьями Кузнецкого Алатау (Красулино-5, Аба-1, Прорва-2) или Восточного Присалаирья (Саратовка-6). Это свидетельствует о том, что население, изготавливавшее и использовавшее эту керамическую посуду, занимало экологические ниши, близкие тем, что были покинуты в процессе перемещения (восточные предгорья Кузнецкого Алатау). Вероятно, это было связано с ведением мигрантами традиционной хозяйственной деятельности.

Возможным объяснением причины миграции каких-то групп лугавского населения в Кузнецкую котловину и Верхнее Приобье следует считать ведение

торгово-обменных операций. Лугавским импортом был лом бронзовых изделий, шедший на переплавку и изготовление различных необходимых предметов, адаптированных к потребностям местного населения. Однако часть импортных изделий напрямую использовалась «ирменцами» (ножи, перстни, лапчатые подвески, бляхи и т.п.), что неоднократно отмечали исследователи.

Не исключено, что мигранты могли выполнять и производственные функции, выступая в роли металлургов-литейщиков. Следы бронзолитейного производства были выявлены на двух поселениях, исследованных Ю.В. Шириним, – Красулино-5 и Аба-1. Так, на поселении Аба-1 в результате раскопок был вскрыт очаг наземного жилища, содержащий следы бронзолитейного производства. Возле очага найдены обломки двух толстостенных ошлакованных тиглей, которые использовались, судя по находкам капель бронзы в заполнении очага, для переплавки бронзового лома. Кроме этого, найдены ошлакованные стенки от трех горшков, которые, видимо, также использовались в качестве тиглей. Здесь же найдены обломки нескольких глиняных форм для отливки бронзовых предметов (шила, двух плоских браслетов с шишечками на концах, небольшого топора-кельта) [23, с. 171].

Социально-экономические и этнокультурные контакты населения Кузнецкой котловины с восточными соседями, видимо, носили долговременный характер и продолжались и в переходное время от бронзы к железу. Н.Л. Членова, давая характеристику городищу Маяк, указывает, что в материалах этого памятника есть керамика, темным цветом и отделкой почти идентичная тагарской [24, с. 93]. И.В. Окуновой и Ю.В. Шириним по материалам этого же памятника выделяется керамика, сходная с раннетагарской. Исследователи предполагают возможные связи населения Верхней Томи с раннетагарским населением [25, с. 12].

Таким образом, можно говорить о наличии устойчивых связей, существовавших в различные эпохи между населением Минусинских котловин и их западными соседями. Влияние карасукского, явно ощущавшегося в постандроновское время, и лугавского, фиксируемого в позднекорчажкинских и ирменских памятниках (вплоть до переходного времени), компонентов прослеживается до Верхнего Приобья. Наиболее перспективным в отношении дальнейшего выявления механизма межкультурных коммуникаций является исследование памятников эпохи поздней бронзы – переходного времени Верхнего и Среднего Приобья, а также Мариинско-Ачинской лесостепи.

Библиографический список

1. Грязнов, М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби / М.П. Грязнов // КСИИМК. – М., 1952. – Вып. XLVIII.
2. Грязнов, М.П. История древних племен Верхней Оби / М.П. Грязнов // МИА. – 1956. – №48.
3. Членова, Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири / Н.Л. Членова // Советская археология. – М., 1955. – №23.
4. Членова, Н.Л. Роль миграций в сложении карасукской и ирменской культур Сибири / Н.Л. Членова // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994.
5. Уманский, А.П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года / А.П. Уманский // Археология и краеведение Алтая. – Барнаул, 1972.
6. Косарев, М.Ф. О происхождении ирменской культуры / М.Ф. Косарев // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. – М., 1963.
7. Троицкая, Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье / Т.Н. Троицкая // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. – Новосибирск, 1974. – Вып. 4.
8. Матющенко, В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура / В.И. Матющенко // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 12.
9. Зах, В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона) / В.А. Зах. – Новосибирск, 1997.
10. Новикова, О.И. Эволюция декоративно-морфологических типов керамики ирменской культуры (по материалам поселения Милованово-3) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.И. Новикова. – Новосибирск, 1998.
11. Молодин, В.И. Бараба в эпоху бронзы / В.И. Молодин. – Новосибирск, 1985.
12. Мартынов, А.И. Новый район карасукской культуры / А.И. Мартынов // Советская археология. – 1964. – №2.
13. Мартынов, А.И. Карасукская эпоха в Обь-Чулымском междуречье / А.И. Мартынов // Сибирский археологический сборник. – Новосибирск, 1966.
14. Савинов, Д.Г. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) / Д.Г. Савинов, В.В. Бобров // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978.
15. Пяткин, Б.Н. Результаты спектральных анализов бронзовых предметов из могильника Титово-1 / Б.Н. Пяткин // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978.
16. Савинов, Д.Г. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инге / Д.Г. Савинов, В.В. Бобров // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск, 1981.
17. Бобров, В.В. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4 / В.В. Бобров, Т.А. Чикишева, Ю.И. Михайлов. – Новосибирск, 1993.
18. Бобров, В.В. Гипотеза об инкорпорантах в ирменском обществе Кузнецкой котловины / В.В. Бобров, В.С. Горяев // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997.

19. Ковалевский, С.А. Погребально-поминальные комплексы ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины / С.А. Ковалевский. – 2-е изд., доп. и испр. – Кемерово, 2006.

20. Бобров, В.В. Культурная принадлежность и хронология памятников предандроновского времени и поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья / В.В. Бобров // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988.

21. Членова, Н.Л. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау / Н.Л. Членова, В.В. Бобров // Проблемы археологии Евразии. – М., 1991.

22. Бобров, В.В. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура) / В.В. Бобров, С.В. Кузьминых, Т.О. Тенейшвили. – Кемерово, 1997.

23. Ширин, Ю.В. Типы поселений эпохи поздней бронзы и «переходного периода» на юге Кузнецкой котловины / Ю.В. Ширин // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул, 2004.

24. Членова, Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. Поселения эпохи перехода от бронзы к железу в Западной Сибири / Н.Л. Членова. – М., 1994.

25. Окунева, И.В. Поселения эпохи раннего железа в Томь-Кондомском предгорном районе / И.В. Окунева, Ю.В. Ширин // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1999. – Вып. 4.